

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015,
2'2015, 3'2015)

Последовательность,
которую надо
постоянно повторять,
пока еще катаешь
Сизифову скалу

26 августа 1868 г. Разочарования, разбитость, усталость, апатия: это та последовательность, которую надо постоянно повторять, пока еще катаешь Сизифову скалу. Ни короче ли и проще было бы головой вперед броситься в пропасть?

Всегда только одно
решение: вернуться
к порядку, принять,
подчиниться

Нет, всегда только одно решение: вернуться к порядку, принять, подчиниться, отречься и сделать все-таки все, что можешь. Пожертвовать нужно своей волей, своими желаниями, своей мечтой. Раз навсегда откажись от счастья. Уничтожение своему «я» – смерть своему «я» – это единственное самоубийство, полезное и дозволенное. В твоём теперешнем отречении есть скрытая досада, есть оскорбленная гордость, немного упрека, одним словом, эгоизм, потому что есть преждевременное искание покоя. Отречение совершенно только в полном смирении, которое стирает свое «я» для Бога.

Нужно желать того,
чего хочет Бог

У тебя нет более сил, ты ничего не желаешь; это не то, что нужно: нужно желать того, чего хочет Бог, нужно переходить от отречения к жертве и от жертвы к самопожертвованию.

Стыд жить и
страдать как
ничтожный человек

Чаша, которая ты желал бы, чтобы миновала тебя, – это есть казнь твоей жизни: это стыд жить и страдать как ничтожный человек, который не нашел своего призвания, – это горькое и все увеличивающееся унижение, чувствовать свое умаление, чувствовать, что стараешься, не одобряя самого себя и огорчая своих друзей. «Хочешь ты быть исцеленным» – это был текст воскресной речи: «придите ко мне все труждающиеся и обре-

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

Горячее желание
услышать последние
слова тех, кого мы
любим

мененные и я дам покой душам вашим», «и если наше сердце осуждает нас, Бог больше, чем наше сердце».

16 декабря 1868 г. Я в тревоге за моего бедного милого друга Шарля Гейма. С 30 ноября, когда он со мной простился, я не видал уже почерка дорогого больного. Как длинны показались мне эти две недели! Как я понял теперь это горячее желание услышать последние слова, увидеть последние взгляды тех, кого мы любили. Эти общения подобны завещанию. Они носят на себе торжественный и священный характер. То, что умирает, отчасти причастно уже вечности. Кажется, что умирающий говорит с нами из-за гроба. То, что он говорит нам, кажется нам изречением оракула, повелением. Мы представляем его себе почти пророком. Очевидно, что для того, который чувствует уходящую жизнь и открывающийся гроб, наступило время значительных речей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится в нем, не может уже скрываться.

Не будем медлить,
чтобы быть
справедливыми,
сострадательными...

О, не будем медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными к тем, кого мы любим, не будем ждать, когда они или мы будем поражены болезнью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не может быть слишком много времени, чтобы радовать сердце наших спутников в этом мрачном переезде. Поспешим же быть добрыми.

Если мужчина
ошибается
относительно
женщины, это
значит, что он и она
говорят не совсем
одним и тем же
языком

26 декабря 1868 г. Если мужчина ошибается всегда более или менее относительно женщины, это значит, что он забывает, что он и она говорят не совсем одним и тем же языком и что слова не имеют для них один и тот же вес и одно и то же значение, в особенности в вопросах чувства. Происходит ли это от стыдливости, от осторожности или от коварства; женщина не высказывает никогда всю свою мысль, и даже то, что она о ней знает, есть только часть того, что заключается в этой мысли. Полная искренность ей представляется невозможной и полное знание самой себя ей кажется запрещенным. Если она сфинкс, то только потому, что она загадка и потому еще, что она столь же двусмысленна и для самой себя. Ей нет никакой нужды быть коварной, она тайна.

Женщина – это то,
что ускользает,
неопределимое,
противоречивое

Женщина – это то, что ускользает, что не поддается разуму, неопределимое, нелогичное, противоречивое. С ней нужно обращаться с большей добротой и с немалым благоразумием, она, сама не зная того, может причи-

нить величайшие бедствия. Способная на всякие жертвы и на всякие измены, «непостижимое чудовище», потому что она составляет отраду для мужчины, его отраду и его опасность.

Чем больше любишь,
тем больше
страдаешь

Чем больше любишь, тем больше страдаешь. Сумма страданий, возможных для каждой души, пропорциональна степени ее совершенства.

Обращать горечь жизненного опыта в благодушие, неблагодарность в благодеяние, оскорбления в прощение, вот в чем святая алхимия высоких душ. И это превращение должно сделаться столь обычным, столь легким, чтобы оно представлялось людям естественным и чтобы никто не одобрял нас за это.

Выведение
христианства
из области
исторической
в область
психологическую

27 января 1869 г. Превращение церковного и исповедного христианства в христианство историческое есть дело библейской науки. Превращение исторического христианства в философическое есть попытка почти невозможная потому что вера не может совершенно раствориться в науке. Но выведение христианства из области исторической в область психологическую есть стремление нашего времени. Необходимо высвободить вечное Евангелие. Для этого нужно, чтобы история и сравнительная философия религий определили истинное место христианства и оценили его. Затем надо выделить веру, которую исповедовал Иисус, от той веры, которая сделала Иисуса предметом своего поклонения. И когда найдут то душевное состояние, которое составляет основную клеточку, начало вечного Евангелия, то нужно будет его держаться. Это есть *punctum saliens* чистой религии.

Несравненное
зрелище истории
человечества

Может быть сверхъестественное будет заменено необыкновенным, и великие гении будут рассматриваемы как посланники Бога истории, как predetermined избранные, посредством которых дух Божий движет человеческими массами. Уничтожается не прекрасное, но произвольное, случайное, чудесное. И как жалкие плашки деревенского праздника, или ничтожные восковые свечи процессии тухнут перед величием солнца, потухнут все эти маленькие, местные, ничтожные и сомнительные чудеса перед всемирным законом действия великих умов, перед несравненным зрелищем истории человечества,

руководимой тем всемогущим драматургом, которого называют Богом. *Utinam.* (О! Если бы!)

Беспристрастие
и объективность
так же редки, как
и справедливость

1 марта 1869 г. Беспристрастие и объективность так же редки, как и справедливость. Личный интерес есть неисчерпаемый источник потворствующих иллюзий. Число людей, желающих видеть правду, чрезвычайно мало. Над людьми властвует страх перед истиной – если только эта истина им не полезна, что сводится к тому, что выгода составляет основу житейской философии или что истина создана для нас, а не мы для истины. Факт этот на столько унизителен, что большинство не хочет ни допускать, ни признавать его.

Предвзвездок
самолюбия
защищает
предвзвездки
мышления

И вот, таким-то образом предвзвездок самолюбия защищает все предвзвездки мышления, которые вытекают из уловки эгоизма. Человечество постоянно убивало или преследовало тех, которые нарушали его, основанное на выгоде, спокойствие. Человечество совершенствуется только невольно. Единственный, желаемый им прогресс – это увеличение наслаждений. Ко всякому прогрессу справедливости, нравственности, святости, человечество было принуждаемо каким-нибудь благородным насилием.

Самопожертвование –
это наслаждение
великих душ

Самопожертвование – это наслаждение великих душ – никогда не было законом обществ. Весьма часто великие преобразователи для того, чтобы побороть рутину, употребляли один порок, как орудие против другого; например, тщеславие против скупости, жадность против лени. Одним словом, человеческий мир почти совершенно управляется законами природы, а закон разума – дрожжи этого грубого теста, только местами приподнимают его.

Человечество
движется вперед
раскаянием

Европейское лицемерие закрывает себе лицо перед добровольными жертвами фанатиков Индии, которые бросаются под колесо торжественной колесницы своей великой богини. Но эти жертвы суть только символы того, что происходит в Европе, также как и везде, символы принесения в жертву своей жизни всеми мучениками великих идей. Да, кровожадная и жестокая богиня, – это само человечество, которое движется вперед только раскаянием и раскаивается, только доведя до последней степени ужаса свои преступления. Отдающие себя на жертву фанатики представляют вечный протест против всемирного эгоизма. Мы разрушили только видимых идолов, но постоянная жертва существует везде, и везде избранники поколений страдают

ради спасения масс. В этом строгий, горький и таинственный закон солидарности. Погибель и взаимное искупление – в этом назначение нашего рода.

Необходимо отдаться Богу

6 апреля 1869 г. Одно необходимо: отдаться Богу. Будь сам в порядке и предоставь Богу распутывать моток мира и его судеб. Пусть будет уничтожение или бессмертие! То, что должно быть, – будет. То, что будет, – будет благом. Чтобы совершить путь жизни, может быть ничего более не нужно для человека, кроме веры в добро. Но нужно быть на стороне Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона в борьбе против материализма, против религии случая и против пессимизма. Может быть даже надо отвергнуть буддийский нигилизм, потому что поведение будет диаметрально противоположно, смотря по тому что мы будем трудиться для увеличения своей жизни, или для уничтожения ее; будем ли развивать свои способности или методически атрофировать их.

Идеал – прилагать свои силы к увеличению добра в мире

Прилагать свои индивидуальные силы к увеличению добра в мире – этого скромного идеала достаточно. Участвовать в торжестве добра это – общая цель святых и мудрецов: «*Socii Dei sumus*», повторял Сенека после Клеанта.

Чувство добровольной зависимости и радостной покорности

30 апреля 1869 г. В религиозное настроение входишь через чувство добровольной зависимости и радостной покорности принципам порядка и добра. В религиозном возбуждении человек сосредоточивается, он снова находит свое место в бесконечном единстве, и чувство это свято.

Спасение в согласовании долга и счастья

8 декабря 1869 г. Эпикурейство приводит к отчаянию. Философия долга менее безотраднa. Но спасение заключается в согласовании долга и счастья, в соединении личной воли с волей божественной, в вере, что эта высшая воля управляема любовью.

Истинно счастливые добры

Истинно счастливые добры, добрые, посещаемые испытанием, становятся лучше. Не испытавшие страданий – легкомысленны, но не имеющие счастья не умеет и дать его другому. Можно дать лишь то, что сам имеешь. Счастье, горе, радость, печаль – все это заразительно. Принесите свою силу и здоровье расслабленным и больным – вы этим им будете полезны; сообщите им не упадок воли, но энергию вашу, – вы их поддержите. Только жизнь возбуждает к жизни. И мы обя-

Благодетели рода человеческого возвышенно думали о нем

заны давать другим наш хлеб и наше питье, а не нашу жажду и голод.

Благодетели рода человеческого те, которые возвышенно думали о нем. Но кумирами и господами являются те, которые ему льстят и презирают его, те, которые нуждались, убивали, фантазировали и эксплуатировали его. Благодетелями были: поэты, художники, изобретатели, апостолы, все чистые сердцем. Владыками: Кесари, Константины, Григории VII, Иннокентии III, Борджии, Наполеоны.

Искушение есть наше природное состояние

23 февраля 1870 г. Искушение есть наше природное состояние, но грех не есть необходимость. Грех состоит в умышленном смещении хорошей независимости с дурной; причина тому полу-снисходительность с которой мы принимаем первый оправдывающий нас софизм. Мы закрываем глаза на начинающееся зло из-за его ничтожества, и в этой-то слабости и лежит зародыш нашего падения. «*Principiis obsta*», если бы точно исполнять это правило, мы избегли бы большинства наших несчастий.

Основа нашей природы непокорна, безбожна, дерзка

Мы хотим повиноваться только своему капризу; иначе сказать, наше дурное я не хочет Бога, или то, что основа нашей природы непокорна, безбожна, дерзка и осуждает все то, что хочет преобладать над нею, и потому противно порядку и неудобноуправляемо. Эту-то основу христианство называет естественным человеком. Но дикарь, который в нас живет и составляет нашу первобытную сущность, должен быть дисциплинирован, цивилизован, чтобы из него вышел человек. Человек же должен быть терпеливо возделан, чтобы из него вышел мудрец. Мудрец же должен быть испытан, чтобы стать праведным; а праведный должен заменить свою личную волю волею Божиею, чтобы стать святым.

Счастье некоторых покупается несчастьем многих

И этот-то новый, возрожденный человек и есть тот духовный, небесный человек, о котором упоминают как Веда, так и Евангелие, как маги, так и неоплатоники.

30 марта 1870 г. Конечно природа зла, бесстыдна, бесчестна и неверна; она только милует задаром и безумно ненавидит и за справедливость возмещает только несправедливостью. Счастье некоторых покупается несчастьем многих. Бесплезно рассуждать с слепую силою.

Человеческое сознание возмущается против этого закона, и чтобы удовлетворить своему инстинкту справедливости, оно придумало две гипотезы, из которых составило себе религию: идею личного провидения в гипотезу другой жизни.

В противоречии между реальностью и сознанием – торжество должно принадлежать сознанию

В этом протест против природы, признанной безнравственной и оскорбляющей. Человек верит в добро и для того, чтобы подчиняться только справедливости, он утверждает, что очевидная несправедливость есть только видимость, тайна, иллюзия, и что справедливость восторжествует. *Fiat justitia pereat mundus!* В этом великое проявление веры. А так как человечество не сделало себя самого, то есть вероятность того, что протест этот выражает истину. В противоречии между миром природы и миром нравственным, между реальностью и сознанием – торжество должно принадлежать сознанию. Во все нет необходимости в существовании мира, но необходима справедливость, и атеизм обязан объяснить безусловное упрямство совести в этом отношении.

Мы – произведение природы, почему же мы недовольны?

Природа несправедлива: мы – произведение природы, почему же мы недовольны и пророчествуем о справедливости? Почему следствие восстает против причины? Происходит ли это возмущение от пустого и детского тщеславия? Нет, это крик, вырывающийся из глубины нашего существа, и крик этот во славу Божию! Небо и земля могут уничтожиться; но добро должно существовать, а несправедливость быть уничтожена. Таково *credo* человечества. Дух победит природу, бессмертное восторжествует над временем.

Для женщины любовь – высший приоритет

1 апреля 1870 г. Мне кажется, что для женщины любовь есть высший авторитет, судящей обо всем и решающий вопросы добра и зла. Для мужчины любовь подвластна добру; она – великая страсть, но не есть источник порядка, синоним разума, безусловный критерий превосходства. Кажется, что для женщины идеалом служит совершенство любви, как для мужчины – совершенство справедливости. В этом смысле и мог сказать апостол Павел, что женщина слава мужчины, а мужчина слава Божия. Поэтому женщина, вся поглощенная предметом своей нежности, находится, так сказать, на природном пути; она вполне женщина и осуществляет свой основной образ. Напротив, мужчина, который ограничил бы свою жизнь в супружеском обожании и который считал бы, что пожил достаточно, сделавшись жрецом любимой женщины – был бы полу-мужчиной; его презирает свет, а, втайне, может быть, и сами женщины.

Любящая женщина хочет потеряться в сиянии любимого человека

Истинно любящая женщина хочет потеряться в сиянии любимого человека; она хочет, чтобы любовь ее сделала мужчину более великим, более сильным, более мужественным, более деятельным. Поэтому каждый пол исполняет свое назначение: женщина как бы предназначена мужчине, а мужчина – обществу. Она отдает-

Общественная жизнь опирается на сознание

ся одному, он – всем. И каждый из них только тогда находит спокойствие и счастье, когда познает этот закон и последует ему.

26 октября 1870 г. Общественная жизнь опирается на сознание, а не на науку. Цивилизация, прежде всего, дело нравственное. Если нет честности, нет уважения к праву, нет уважения к обязанностям, нет любви к ближнему, словом, если нет добродетели – все находится в опасности, все рухнет; и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиция, ни таможня не в состоянии задержать висящее на воздухе здание, не имеющее основания.

Государство – сооружение и гнусное и непрочное

Государство, основанное только на расчете и скрепленное страхом, представляет сооружение и гнусное и непрочное. Средняя нравственность масс и достаточное проявление добродетели есть фундамент всякой цивилизации, краеугольным камнем его служит долг. Те, которые в тиши исполняют его, подавая этим добрый пример, являются таким образом спасением и поддержкою того блестящего света, который и не знает о них. Десять праведников могли спасти Содом, но нужны тысячи и тысячи добрых людей, чтобы предохранить народ от развращения и гибели.

Нравственный индифферентизм есть болезнь людей высококультурных

Если нравственность народа страдает от невежества и страстей, то, с другой стороны, нужно сознаться, что нравственный индифферентизм есть болезнь людей высококультурных. Этот-то разлад между просвещением и добродетелью, между мыслью и совестью, между умственной аристократией и честной и грубой толпой, представляет наибольшую опасность для свободы. Увеличение числа эстетиков, сатириков, скептиков, блестящих говорунов указывает на химическое разложение общества. Пример: век Августа и Людовика XV. Пресыщенные насмешники – это эгоисты, которые освобождают себя от общих обязанностей и которые, освободив себя от всякого усилия, не противодействуют никакому бедствию. Утонченность их состоит в отсутствии сердца. Это удаляет их от истинной человечности, приближая их к природе демонической. Чего недоставало Мефистофелю? Не ума, конечно, а доброты.

Каждая душа есть бездна, тайна любви и сострадания

16 ноября 1870 г. Глядя в глубину бездны, испытываешь что-то захватывающее, ошеломляющее и неизъяснимое, а каждая душа есть та же бездна, тайна любви и сострадания. Проникая в глубину этого святилища, слыша сладкий шепот молитв, жалоб, гимнов, исходящих из глубины сердца – я всякий раз испытываю чувство священного трепета: с нежным умилением и с

религиозной сдержанностью присутствую я при этих невольных признаниях. Это мне кажется чудесным, как поэзия, и божественным, как всякое рождение. Я смолкаю, преклоняюсь и обожаю. Если не могу – то утешаю и подкрепляю.

Новейшая нравственность – нервное напряжение

4 февраля 1871 г. Вечное напряжение характеризует новейшую нравственность. Это болезненное стремление заменило собою гармонию, равновесие, радость, то есть бытие. Мы все представляем из себя фавнов, сатиров, силен, стремящихся стать ангелами, уродов, старающихся себя прикрасить, неуклюжих кризалид (*chrysalides*), с трудом производящих каждую свою бабочку. Идеал – уже не ясная красота души, а ужас Лаокоона, отбивающегося от гидры зла. Жребий брошен. Нет больше людей совершенных и счастливых, есть только кандидаты на небо – каторжники на земле.

Большой свет живет мгновенною и льстящею иллюзией

22 февраля 1871 г. Вечер у М***. Человек тридцать самого лучшего общества; счастливое распределение полов и возрастов. Седые головы, молодежь, умные лица... Все в роскошной и блестящей обстановке. В свете надо делать вид, что будто живешь амврозией и не имеешь никаких забот, кроме благородных: забота, нужда, страсть – не существуют. Всякая реальность устранена, как нечто слишком грубое.

Одним словом, то, что называется большим светом, живет мгновенною и льстящею иллюзией, что оно находится в эфирном состоянии и дышит мифологической жизнью. А потому всякая страстность, всякий крик природы, всякое истинное страдание, всякая необдуманная фамильярность, всякий признак истинной страсти поражают и делают диссонанс в этой утонченной среде и мгновенно уничтожают совокупное произведение этого дворца из облаков, эту волшебную, воздвигнутую с общего согласия, архитектуру.

Жизнь состоит в непрерывном обновлении

29 июля 1871 г. Жизнь состоит в непрерывном обновлении. В этом искусстве Гёте, Шлейермахер, Гумбольдт были великими мастерами. Чтобы сохранить в себе жизнь, необходимо постоянно молодеть помощью внутреннего обновления и платонической любви. Душа должна непрерывно совершенствоваться, испытывать себя во всех своих состояниях, звучать всеми фибрами, создавать самой себе новые интересы...

Письма и эпиграммы Гёте, который я читал сегодня, не возбуждают любви к нему. Почему? потому что в нем мало души. Его понимание любви, религии, долга,

патриотизма имеет что-то мелочное и отталкивающее. Ему не достает горячности, великодушия.

Скрытая сухость, плохо скрывааемый эгоизм проглядывают сквозь этот богатый и гибкий талант.

Гёте уважает свободу каждого и приветствует всякую оригинальность

Правда, что этот Гётевский эгоизм имеет, по крайней мере, то преимущество, что он уважает свободу каждого и приветствует всякую оригинальность, но он не помогает никому в ущерб себе, он ни за кого не мучится, не отягчает себя чужим бременем, словом, в нем нет сострадания, этой великой христианской добродетели. Совершенство для Гёте состоит в личном благородстве, а не в любви. Его центр – эстетика, а не нравственность. Ему не понятна святость, и он никогда не дал себе труда подумать над страшной загадкой зла.

Он Спинозист до мозга костей. Он верит в личную удачу, но не в свободу и в ответственность.

Диссонансы не существуют для глухих

Это грек лучшего времени, которого не коснулся внутренний перелом религиозного сознания. Таким образом он изображает состояние души, предшествующее или последующее христианству, то, что осторожные критики нашего времени называют современным духом; и современным духом, рассматриваемым только в одном своем направлении, именно в культе природы, так как Гёте всегда чужд социальных и политических стремлений толпы и нисколько не интересуется обездоленными, слабыми, угнетенными, так же, как и не интересуется ими и сама природа. Недомогание нашего времени не существует для Гёте и для его школы. И это понятно: диссонансы не существуют для глухих. Тот, кто не слышит голоса совести, голоса сожаления и раскаяния, не может понять волнения тех, которые признают двух властителей, два закона, и которые принадлежат двум мирам: миру природы и миру свободы.

Автор лишен нравственной серьезности

15 августа 1871 г. Прочитана 2-ой раз «Жизнь Иисуса» Ренана, 16-тое популярное издание. Характерно в этом анализе христианства то, что греху не отведено в нем роли. А между тем, если что объясняет успех Благой Вести среди людей, то это то, что она принесла им освобождение от греха, то есть спасение. Следовало бы, однако, религиозно истолковывать религию, а не скрадывать центра ее предмета. Этот беломраморный Христос не тот, который давал силу мученикам и осушал столько слез. Автор лишен нравственной серьезности и смешивает благородство со святостью.

Он говорит как чуткий артист о трогательном предмете, но совесть его как будто не принимает участия в вопросе.

Смешивание наслаждающегося эстетическим зрелищем с муками души

Как смешивать эпикуреизм воображения, наслаждающегося эстетическим зрелищем, с муками души, страстно ищущей истину?

В Ренане есть остаток семинарской хитрости; он давит священными веревками. Пускай бы он обращался с своей слащавой презрительностью к более или менее хитрящему духовенству, но к искренним душам следовало бы обращаться с искренностью более уважительной. Издевайтесь над фарисейством, но говорите прямо с людьми честными.

Отчаянный пессимизм, находящий мир безумным

29 декабря 1871 г. Читал Банзена: критика эволюционизма Гегеля-Гартмана во имя принципов Шопенгауэра. Что за питатель! Он, беснуясь, производит море чернил, которое скрывает во мраке его мысль, и что за ученье! Отчаянный пессимизм, находящий мир безумным, «положительно идиотичным». Он упрекает Гартмана в том, что он допустил хоть немного логичности в эволюции мира, тогда как эволюция эта существенно противоречива, и малая частичка разума находится только в голове рассуждающего. Из всех возможных миров тот, который существует самый дурной. Единственное его оправдание то, что он сам собою стремится к разрушению. Надежда философа только в том, что разумные существа сократят агонию этого мира и ускорят возвращение всего в ничто. Это сатанинская, отчаянная философия, которая не дает даже тех перспектив самоотречения, которые дает буддизм разочарованной душе. Личность может только протестовать и проклинать.

Этот башенный Сиваизм вытекает из представления о том, что мир произошел от слепой воли и что она составляет начало всего.

Оргия философской мысли

Эволюционизм, фатализм, пессимизм, нигилизм: и не странно ли видеть расцвет этого ужасного и отчаянного учения в то самое время, когда немецкий народ празднует свое величие и свои победы? Контраст так поразителен, что заставляет задуматься. Это – оргия философской мысли, отождествляющей заблуждение с самим существованием и развивающей прудоновскую аксиому: «Бог есть – зло», она приведет толпу к христианству, которое не есть ни оптимизм, ни пессимизм, но которое объявляет благо доступным, называя его «вечной жизнью».

Насмешка над самим собою, сопротивление истинной серьезности

Ничего нельзя сделать без веры, но вера может уничтожить всякую науку

Насмешка над самим собою, сопротивление всякому внутреннему единству, всякой истинной серьезности, из боязни обмана и глупости, – вот к чему приводит один ум, если совесть не вмешается в дело.

Ясное представление об обязанности должно служить балластом для ума, иначе ум захлебнется в недуге и горечи.

7 февраля 1872 г. Ничего нельзя сделать без веры, но вера может уничтожить всякую науку.

Что же это за Протей, и откуда он?

Вера есть достоверность без доказательства. Как достоверность, она составляет энергическое побуждение к деятельности; как нечто недоказанное – она составляет противоположность науке. От этого ее два вида и два различных вывода из нее. В чем ее исходная точка? В мысли? Нет; мысль может поколебать и утвердить веру, но не может породить ее. Где ее происхождение? В воле? Нет; добрая воля может содействовать ей, злая воля может препятствовать ей, но верят люди не вследствие воли, и вера не есть обязанность! Вера есть чувство, потому что в ней заключается надежда, она инстинкт, потому что она предшествует всякому внешнему поучению. Вера есть наследство рождающейся личности, есть то, что соединяет ее со всем существующим. Личность отделяется только с трудом от лона матери, с усилием только объединяется среди окружающей ее природы, отделяется от любви, окружавшей ее, от идей и колыбелей, содержавших ее. Она рождается в единении с человечеством, миром и Богом. След этого первобытного единения и есть вера.

Вера – воспоминание того неопределенного эдема, из которого вышла наша личность

Наша индивидуальная жизнь состоит в выделении себя

Вера есть воспоминание того неопределенного эдема, из которого вышла наша личность и в котором она жила в сомнамбулическом состоянии, предшествовавшем личной жизни.

Наша индивидуальная жизнь состоит в выделении себя из нашей среды, в воздействии на нее и сознание ее, посредством которого мы и делаемся духовными, то есть разумными и свободными личностями. Наша первоначальная вера составляет только материал, перерабатываемый нашим опытом жизни, и который, вследствие наших разнообразных приобретаемых познаний может совершенно потерять свою форму. Мы можем умереть, не найдя той гармонии, которую дает нам личная вера, удовлетворяющая наш разум, нашу совесть и наше сердце, но потребность

Суеверная вера детства никогда не знала сомнений

веры никогда не оставляет нас. Она есть постулат высшей всеогласующей истины. Она есть двигатель всякого исследования, она указывает возможность награды, указывает путь.

Такова, по крайней мере, вера совершенная. Суеверная вера детства, та, которая никогда не знала сомнений, не знала науки, та, которая не уважает, не понимает и не терпит противных убеждений – это вера ненависти, это мать всех фанатизмов.

Чтобы обезоружить в нас веру, лишить ее ядовитости, она должна быть подчинена любви к истине. Высший культ истины есть единственный способ очищения всех религий, всех исповеданий, всех сект.

Вера должна быть на втором месте, потому что у нее есть судья.

Когда она становится высшим судьей, мир впадает в рабство; христианство IV и XVI века дает нам доказательство этого.

Очищенная вера победит ли когда веру грубую?

Очищенная вера победит ли когда веру грубую? Будем надеяться на лучшее будущее.

Трудность, однако, вот в чем. Вера ограниченная имеет гораздо больше энергии, чем вера просвещенная; мир принадлежит более воле, чем мудрости. И потому нельзя быть уверенным, что свобода восторжествует над фанатизмом, притом же независимость мысли никогда не будет иметь грубой силы предрассудка. Разрешение вопроса в разделении труда.

Насильники вложат эту веру в предрассудки

После тех, которые высвободят идеал чистой и свободной веры, придут насильники, которые вложат эту веру в предрассудки и учреждения. Разве не то же самое случилось с христианством. Но все-таки христианство сделало больше добра, чем зла человечеству. Так двигается мир последовательным гением все высших и высших идей.

Все схоластические теории собирают тучи, а не солнечные лучи

30 августа 1872 г. Элюкубрации à priori надоели мне теперь до крайности.

Все схоластические теории заставляют меня сомневаться в том, что они доказывают, потому что, вместо того, чтобы искать, они уже с самого начала утверждают. Их задача в том, чтобы создавать укрепления вокруг предрассудка, а не в том, чтобы открывать истину.

Они собирают тучи, а не солнечные лучи. Все они придерживаются католического приема, исключаящего сравнение и исследование.

Главное дело для них овладеть согласием, дать аргументы для веры и уничтожить исследования.

Я хочу, чтобы уважали мой разум, мою совесть и мою свободу

Философия начинается с того, что она критическая и беспристрастная

Нельзя видеть два раза один и тот же пейзаж

Мудрость состоит в том, чтобы судить и о здоровом смысле, и о безумии

Чтобы убедить меня, нужно не иметь предвзятого мнения и прежде всего быть критически искренним, нужно дать мне осмотреться, ознакомить меня с вопросами, с их происхождением, трудностями, различными попытками разрешений и степенью их вероятности.

Я хочу, чтобы уважали мой разум, мою совесть и мою свободу.

Всякий схоластицизм есть уловление, его власть как будто объясняет что-то, она только притворяется и ее уважение обманчиво. Игральные кости подделаны. И послышки предreshены. Неизвестное предполагается известным, и все остальное вытекает из этого.

Философия есть полная свобода ума, и поэтому – независимость от всякого предрассудка религиозного, политического и общественного. Философия начинается с того, что она не христианская, не языческая, не монархическая, не демократическая, не социалистическая, не индивидуалистическая, – она критическая и беспристрастная. Пускай это нарушает готовые мнения церкви, государства, исторической среды, в которой родился философ. *Est ut est aut non est.* Философ есть человек трезвый – среди всеобщего пьянства, он ясно видит иллюзии, которым охотно подчиняются существа. Собственная природа обманывает его менее, чем всякого другого. Он судит более здраво о сущности вещей.

Свобода его в том, чтобы видеть ясно, быть трезвым, отдавать себе отчет.

---

11 декабря 1872г. Сколько перегородок между нами и предметами! Расположение духа, здоровье, все ткани глаза, стекла нашей клеточки, туман, дым, дождь или пыль и даже самый свет – и все это бесконечно изменяющееся. Гераклит говорил: «нельзя выкупаться два раза в одной и той же реке», я бы сказал: нельзя видеть два раза один и тот же пейзаж, потому что окно это один калейдоскоп, а зритель – другой.

Мудрость состоит в том, чтобы судить и о здоровом смысле, и о безумии, подчиняться всеобщей иллюзии, не будучи обманутым ею. Поддаваться игре волшебницы магии и без принуждения играть свою роль в фантастической трагикомедии, которая называется Миром. Это приличнее всего для человека со вкусом, умеющего резвиться с резвыми и быть серьезным с серьезными. Мне кажется, что интеллектуальность

приводит нас к этому. Мысль приводит нас к сознанию того, что всякая реальность есть только сновидение в сновидении. Выводит нас из сферы волшебных сновидений только страдание, личное страдание, выводит также чувство обязанности или то, что соединяет то и другое – страдание греха; это все та же любовь, одним словом, нравственные требования. Только совесть отрывает нас от очарования Майи; она рассеивает пары кейфа, галлюцинации опиума и спокойствие созерцательного равнодушия.

Совесть вталкивает нас в ужасный водоворот человеческого страдания

Она, совесть, вталкивает нас в ужасный водоворот человеческого страдания и человеческой ответственности. Это будильник, это крик петуха, который разгоняет привидения, это архангел, вооруженный мечем, который выгоняет человека из его искусственного рая.

(Продолжение следует)

